

Олег ЮРЬЕВ

НЕИЗДАННЫЕ СТИХИ 1981–1987 ГОДОВ

*Публикация О.Б. Мартыновой и Д.О. Юрьева
Предисловие Валерия Шубинского*

В ходе подготовки собрания стихотворений Олега Юрьева для Издательства Ивана Лимбаха предметом изучения стал оставшийся от него архив – рукописи и правленные машинописи. Огромную его часть составляют поэтические тексты, в том числе не вошедшие ни в типографски изданные сборники, ни в машинописные книжки советской эпохи (когда Юрьев, как и другие неофициальные поэты, был лишен возможности печататься). По большей части это ранние, юношеские стихи. Однако несколько десятков текстов относится к 1980-м годам, когда индивидуальность поэта уже сформировалась.

Некоторые из них, написанные в 1982–1987 годы, были известны близким поэта. То, что они не были включены в книги и вообще не увидели света – результат повышенной, иногда чрезмерной строгости поэта к себе (одно стихотворение так и называется – «Строгость»). Может быть, это связано и с тем, что какие-то намеченные в этих стихах пути казались поэту тупиковыми. Он стремительно шел к вершине, к расцвету дара – и торопился. Но сегодня мы видим, что и эти, отвергнутые, стихи очень хороши.

Несколько же стихотворений написано в начале 1981 года. В это время поэтика Юрьева переживала резкое изменение. От более традиционных, вписывавшихся в общую эстетику неподцензурной ленинградской поэзии стихов конца 1970-х, вошедших в машинописную книгу «Картавый звук» (она полностью опубликована в журнале «Звезда», 2019, №4), он переходил к своей подлинной, резко индивидуальной поэтике. По словам самого поэта, «это была очевидная – для меня и для окружающих меня людей – и довольно быстро и довольно мучительно произошедшая мутация». Многие стихи, написанные в процессе этой мутации, видимо, были отвергнуты: они отличались от прежних, но, видимо, отличались недостаточно решительно. Этот максимализм опять-таки заставил поэта отвергнуть очень сильные тексты.

Вячеслав Иванов говорил, что масштаб писателя определяется помимо прочего тем, что остается в столе неопубликованным после его смерти. Публикация литературного наследия Олега Юрьева лишь начинается, но значительность его уже несомненна.

зазову кота, назову – китс;
подойдет голубь, скажет – гёльдерлин;

заведу жену, – меж дощечек-лиц –
окон клан, ветра клен, света клин.

построю дом о четыре стены,
сам-четыре средь ночного лягу рванья...
взгляни из ночной мельтешни –
вот жена, вот кот, вот голубь, вот я.

1981

Мне хорошо в моей земле –
Все яства на ее столе:
Деревьев светлое вино,
(Из птичьих гнезд течет оно);
В квадратных блюдечках поля,
Ржаных тропинок кренделя,
И рыба смотрит на шмеля,
Крылом коротким шевеля.

Луны причесанный кочан
Сюда приносят по ночам.
Идет внимательный олень
Сквозь соты сонных деревень;
Холодный крот ведет ходы,
Блестят лимонные пруды,
И из духовки дальних звезд
Пирог ползет, горбатый мост...

Природа, голову склоня,
Растет как будто из меня.

1981

Открытка

Там по круглой воде ветер ходит в дожде
И кивают деревья грудями;
Из железного дна извлекает волна
Серебрёную ветвь с желудями.

Это ночью глухой над водою сухой
Гомонит пароходная тяга;

И, безродный пришлец, ты не осветишь лес,
Вылетающий из оврага.

1982

Открытка с видом

Мне сладостны законы умноженья дней.
Год, в заговорах весь, – всё високосней...
О, возраст мой! – Ты юности стыдней
И старости безмысленей и косней.

Страна пуста. Орудия лесов
Маскированы в лоск и раззолоту,
И птичка двухголовая лицо в
Лицо по черному скользит болоту.

Я знаю: осень... Здравствуй, господин
Огромный дождь, литой, шарообразный;
В твоём нутри я медлен и один,
И скушно мне во влаге непролазной.

Страна пуста. Тут нету никого –
Ни русского, ни чурки, ни чухонца...
Дожди выросли... но сердце их мертво,
И высохли, по сути, волоконца.

Мне сладостны законы умноженья слов.
Стих, в заговорах весь, – все постоянной...
О голос мой! – Ты явственнее снов
И яви безобразней и обманней.

Я знаю: осень... Дни ещё теплы,
А ночи уже холодны, пожалуй...
Нева впадает. Ей глядит в узлы,
На парашют облокотясь, хожалый...

Как медленно мы начинаем жить.
В стране пустой звучание так сложно. –
Ни отзвука. И осень разложить
На отзвуки почти что невозможно.

Слаб голос так, что эхо не сочтешь
За голос чей, пусть самый пустяковый...
Пожалуй что, завидовать начнешь

Какой-нибудь и птичке двухголовой.

Октябрь 1982

Строфы

I

Неужели же всё, что я должен был сделать –
Это строки неловкие да злые слова?..
Тут и осень как тут. – Пестро-лётная челядь
Разоренных деревьев от холода полужива.

II

Здравствуй, зима! Респектабельный ворон,
Я зрачками блестящими на пухлое небо гляжу;
Вот и сделалась жизнь. – Не спою я ни солом, ни хором,
Лишь потухшие перья в наземную соль положу.

III

Бедный клекот земной и застывшего сада
Поражает меня остротою нерасчитанных черт...
Гаснет зренье мое... Ни жены и не друга – не надо...
Я об этом прокаркал напрасно всю жизнь, простосерд.

IV

Все леса и сады, всякий зверь, всяка птица
От единого корня сквозь непомерную толщу бегут,
Как и всякий из нас; ан наярился я торопиться,
Не желая неподвижность сносить, – да и листья мои не пождут.

V

Листьев гон, птицев шум – превосходней
Налетающих праздников лет, месяцесловия зол;
О, корень единственный! Несгорающий шар преисподний –
Я уже позабыл, что тобою, как и все мы, взошел.

VI

Здравствуй, зима! Слуга непотатливый – зренье –
Неподобно доносит стальные приметы твои,

Но известна мне ты, как и всякому, кто есть творенье. —
Всех коснутся зрачков стальные предметы твои.

VII

Не зная словам одинако любви и проклятья,
Ни вглубь и ни вдаль я не вижу холодным лицом...
Бедный вран пожилой, я закутался в черные платья,
Как последнее дерево, блистаю последним листом.

Октябрь 1982

Стансы

Я в темном зеркальце лицо себя узрил;
И голубь дышавший, вздутый Азраил
Ко мне в оконце рот свой костный сунул
И зеркальце прижвакнувшее клонул.

Но нет! Лицо мое, спасенное богами,
Осталось в комнате, а темной амальгаме,
Протяжной лужицею в форточке сверкнув,
Пришлось втянуться в изогнутый клюв.

1982

For Home Use

Дым белый был, а стал зеленый
И тень от дерева сквозна,
А над Невой переполненной,
Вздыхает воздух наклоненный,
Стоит-сияет тишина.

Толпами рыбки заходили
Сияя из горбатых тел,
И серый крейсер «Пикадилли»,
Как будто заново родили,
По-холостому заблестел.

Когда же из дому я вышел,
Смешно пыхча и весь в очках,
Какую ж песню я услышал,
Какую ж песню я услышал

На всех зеленых язычках?

1983-1984

Строгость

Сползаю в узкое жерло,
Что мною выпалить готово.
И если есть на свете слово,
То это слово – тяжело.
О Господи, Твоей рукой
Я свыше высшего одарен,
И коли я неблагодарен,
То оттого лишь, что такой...

Когда б я не забыл, что ввек
Еще раз купина не вспыхнет,
И жидкость жизни не утихнет,
Возжгется коли человек
Неприкасаемым огнем,
Единственным прикосновеньем,
Что раз назвавши вдохновеньем,
Всю жизнь мы строгостью зовем...

1983

Начало

Имперская тоска... Осколки по скатёрке...
Пропало пол-звезды, а пол пока висит,
Осипшей кожей всей, смещаемой к светёлке,
Где мглы округлой шов вздыхает и сопит.

И сё – углы пошли из мглы округлой рваться,
Царапать, зацветать в набухшем животе
И в голосе листвы, и в скрипе карбованца,
И в жолобе глухом на скомканном листе.

Но в жолобе глухом примеченных и смытых
Не запечатлено на стенках перстеньком
Огромное лицо, целующее свиток –
Утробных линий плод – коротким языком.

Огромных линий плоть – отлитая за то, что

Имперской темноты заказывает путь
Туда, где черепок, протяжный жук, застежка
Не смеет тяжело и нежело вздохнуть.

Март 1981

Тачавший сапоги – назад, к дратве,
Точивший желтяки – за должниками,
А я с тобой – к рассеяной траве,
Как платье холодевшей под руками.

Давай из города, где в вогнутом окне
Плетутся озолоченные тени,
Где вышний свет, что призрак в простыне,
Нисходит на морозные ступени.

Шажком по заметенной мостовой
Он катится-покатится украдкой
И матовой кудлатой головой
Трясет над развороченной подкладкой.

1981 (?)

Живу, как все. В долгу у всех,
Коснется кто, кто не коснется;
Ни светлый смех, ни смертный грех
Не увеличивают счетца.

Когда их разочтут со мною,
Безмолвно выйду из парадной,
В затылке – с рыбою льдяной,
Во рту – с горошиною хладной.

В тот светлый день из всех ворот
Машины выедут безмолвны,
И льда по ребрикам широт
Обколются сухие волны,

И дребезг жизни, смерти свист –
Всё остановится у скоса,

Когда обтаявшая рыба
Сгорит, как северная роза.

Декабрь 1982

...Не с Богом бился я в ночи...
В. Х.

Я наг, сновиденьем зажат
В огней неистовых клинья.
Три птицы нежные жужжат
Над телом жаждущим аминя.

Я знал, как сделался таков:
Я кинул Божьи дарованья
Добычей праздничных оков
Покоя, жизни без страданья.

Я тельце мягкое сложил
К неразрешенным волей ласкам,
На три мотка железных жил
Я ртами костными растаскан.

Неужли, Боже, это я?
Костяк стеклянный у подножья
Засохшей чашки бытия,
Где тризну правит горечь Божья?

Три птицы снежные Твои
Мне были посланы не даром,
Когда в последние слои
Втекал я духом перестарым.

Скажи, Ты знал, кто я такой?
Скажи, Ты знал, что я такое?
Когда безвольною рукой
Приял я жажду о покое?

1986

Эпиграмма

Культура вычерпана ситечком до дна
Растлившимся печалью человеком.
Все музы померли. Царюет лишь она –
Десятая, неведомая грекам.

Она еще одышествовывает ночь
Вздыхающими крыльями сухими.
Она – не склеротички этой дочь,
Но дочь Присутствия, горюющей Шехины.

Апрель 1987